

На правах рукописи

САТУХИН ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

**ТРАДИЦИИ ПЕРСОНАЛИЗМА В РОССИИ:
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ П. А. НЕКРАСОВА**

**Специальность: 09.00.13
Философская антропология, философия культуры**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург – 2017

Работа выполнена в Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Мочалова Ирина Николаевна

Официальные оппоненты:

Кожурин Антон Яковлевич, доктор философских наук, доцент; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им.А.И. Герцена», профессор кафедры философии

Коробкова Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»; доцент кафедры истории и философии

Ведущая организация:

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Русская христианская гуманитарная академия»

Защита диссертации состоится «16» мая 2017 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 800.009.01 при Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина и на официальном сайте Университета по адресу: http://dissertation.lengu.ru/uploads/27_dissertation.pdf

Автореферат разослан «___» марта 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.В. Шевченко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С конца 1980-х годов в научно-исследовательское поле вернулось философское творчество таких русских философов XIX – первой трети XX века, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др. Их имена стали визитной карточкой русской религиозной философии, которая начала ассоциироваться прежде всего с ними, а зачастую – только с ними. Оценивая сделанное, можно сказать, что связанный с этими мыслителями пласт отечественной философской мысли к настоящему времени достаточно хорошо изучен.

Однако русская религиозная философия не исчерпывается вышеназванными именами. Философское творчество А. А. Козлова, С. А. Аскольдова, Л. М. Лопатина, П. Е. Астафьева и многих других до сих пор остается значительно менее изученным. Один из пионеров исследования концепций этих мыслителей Н. П. Ильин (Мальчевский) объединил их термином «метафизический персонализм». По мнению Ильина, утверждение идеи личности в качестве фундаментального основания позволяет говорить о метафизическом персонализме как едином философском направлении, имеющем антропологическую направленность.

Среди множества философов персоналистического направления рубежа XIX–XX веков можно выделить группу непрофессиональных философов, ученых-математиков, получившую название «Московская философско-математическая школа». Ее участники на основании тезиса об универсальности математической науки разрабатывали оригинальные философские концепции. Основная идея, принадлежавшая профессору математики Императорского Московского университета Н. В. Бугаеву, заключалась в создании так называемой аритмологии – своего рода математического способа обоснования того, что человек обладает способностью свободного воления, недетерминированного условиями физического существования.

Павел Алексеевич Некрасов (1853–1924), профессор математики, ученик Н. В. Бугаева – один из ярких представителей Московской философско-математической школы, наиболее последовательно и концептуально развивавший его идеи. Это позволяет говорить о нем как об оригинальном мыслителе персоналистического направления. Разделяя тезис Школы об универсальности математического языка, П. А. Некрасов обосновал понимание математики как наукообразной версии универсального знания – церковного христианского вероучения, синтезируя в своей антропологической концепции научные и религиозные основания. В этом отношении философская антропология Некрасова представляется современной и актуальной, ибо и сегодня поиск оснований синтеза различных знаний о человеке через их сближение и взаимопроникновение остается актуальной задачей философии.

Для Некрасова, как и для большинства русских мыслителей, философские концепции не являлись самоценными, их значимость определялась востребованностью и применимостью в практической жизни человека и общества. Об-

ращение к трудам Некрасова позволяет увидеть одно из возможных решений актуальной и сегодня проблемы взаимопроникновения и взаимодействия метафизики личности и метафизики общественной организации, разрешению которой посвятил свое творчество П. А. Некрасов.

В настоящее время российский общественно-культурный организм пребывает в состоянии формирования своих целей. Очевидно, что степень эффективности такого формирования находится в непосредственной зависимости от способности к восприятию традиционных духовных и нравственных оснований и последующему транслированию их во временной перспективе. В связи с этим, необходимость актуализации концептуальных разработок, осуществлявшихся в самых различных областях знания, в том числе и в философском знании, и прерванных не по причине бесперспективности, а в силу политической конъюнктуры, бесспорна. В этом отношении обращение к малоисследованным, практически забытым трудам П. А. Некрасова представляется своевременным. Таким образом, актуальность темы исследования определяется как необходимостью восполнения лакуны в истории русской антропологической мысли, так и значимостью поднимаемых в работах П. А. Некрасова проблем метафизики личности.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на устойчивый интерес отечественных исследователей к русской религиозной философии, персонализм как ее оригинальное направление до сих пор остается малоизученным. Однако можно констатировать, что с середины 90-х годов XX века отношение к персонализму как к маргинальной и малозначимой философской традиции начинает меняться. На наш взгляд, это связано, во-первых, с возросшим интересом к истории русской антропологической мысли, без освоения которой вряд ли возможно создание современной философской антропологии и, во-вторых, с актуализацией философии Г. Лейбница. Проведенная в связи с 350-летием философа конференция «Лейбниц и Россия» (Санкт-Петербург, 1996 г.)¹ дала новый импульс изучению русского неолейбницианства (персонализма).

Результатом проявленного интереса стали не только обзорные статьи справочного характера в энциклопедических изданиях и учебных пособиях по русской философии, но и специальные исследования, посвященные содержательному анализу персонализма. Среди наиболее значимых работ следует назвать исследования петербургского историка русской философии Н. П. Ильина (Мальчевского)², первым осмыслившим метафизический персонализм как самостоятельное направление русской философии. Несмотря на дискуссионность предложенного Ильиным понимания истории русской философии, его работы сыграли важную роль в привлечении внимания к персона-

---

¹ Философский век. Альманах. «Г. В. Лейбниц и Россия». Материалы Международной конференции. Санкт-Петербург, 26–27 июня 1996 г. / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: СПб НЦ, 1996.

² Ильин (Мальчевский) Н. П. Счастливая вина. Лейбниц и «аутсайдеры» русской философии / Философский век. Альманах. «Г. В. Лейбниц и Россия». — С. 124–144; Ильин (Мальчевский) Н. П. Трагедия русской философии. Часть 1. От личины к лицу. СПб., 2001. Итоговая работа автора: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М., 2008. 608 с.

лизму в целом. Начатые Н. П. Ильиным исследования были продолжены в работах М. А. Прасолова; их завершением стали монография и докторская диссертация на тему «Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме»¹. Кроме этого, следует отметить работы С. М. Половинкина, неоднократно обращавшегося к исследованию персоналистической традиции в связи с изучением философии П. А. Флоренского². Определенные итоги исследования персонализма как широкого целостного направления, антропологического по своему существу, подвел И. В. Гребешев в докторском исследовании «Метафизика личности: персоналистические традиции в русской философии конца XIX – начала XX века»³.

В конце 90-х – начале 2000-х годов появляется ряд работ, посвященных отдельным представителям персонализма. На сегодняшний день наиболее изученным является творчество Л. М. Лопатина: основные труды переизданы, философские воззрения, в том числе его философия человека, исследованы в работах О. Т. Ермишина, И. Г. Горбуновой, А. С. Торнуева⁴ и др. Другой представитель персоналистического направления, привлекающий внимание исследователей, – П. Е. Астафьев. Переиздаются его труды, анализу творчества посвящены работы Н. К. Гаврюшина, М. А. Прасолова, О. Н. Сальниковой, Д. А. Репина⁵ и др. В последние годы в фокусе исследовательского интереса оказываются и другие представители персоналистического направления, в частности, Е. А. Бобров⁶, Н. В. Бугаев⁷ и некоторые другие.

¹ Прасолов М. А. Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб.: Астерион, 2007.

² Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против хаоса. М.: Знание, 1989; Половинкин С. М. Персонализм и особенности социальной стратегии (христианский персонализм П. А. Флоренского в контексте русской мысли) // История философии. 2014. № 19. С. 166–180; Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015.

³ Гребешев И. В. Метафизика личности: персоналистические традиции в русской философии конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010.

⁴ Ермишин О. Т. Метафизика человеческого бытия в философии Л. М. Лопатина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997; Ермишин О. Т. Л. М. Лопатин против В. С. Соловьева (К истории одного спора) // История философии. М., 1999. № 4. С. 44–56; Горбунова И. Г. Этическая концепция Л. М. Лопатина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. Торнуев А. С. Философская антропология Л. М. Лопатина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005; Лев Михайлович Лопатин / Сборник статей под ред. О. Т. Ермишина. М.: РОССПЭН, 2013.

⁵ Гаврюшин Н. К. Забытый русский мыслитель: К 150-летию со дня рождения П. Е. Астафьева // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 75–83; Прасолов М. А. Социально-философские и антропологические воззрения Петра Евгеньевича Астафьева, 1846–1893 гг.: дис. ... канд. филос. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2001; Сальникова О. Н. Субъект самосознания в метафизическом персонализме П. Е. Астафьева: дис. ... канд. филос. наук. Белгород: БелГУ, 2011; Репин Д. А. Проблема «внутреннего» опыта в философии русского персоналиста П. Е. Астафьева: дис. ... канд. филос. наук. Курск: КГУ, 2015.

⁶ Ивлева М. И. О понятии бытия в философии Е. А. Боброва // История философии. М., 1999. № 4. С. 199–206; Хулапова А. А. Историко-психологические особенности теории критического индивидуализма Е. А. Боброва: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д: ЮФУ, 2011 и др.

⁷ Шапошников В. А. Философские взгляды Н. В. Бугаева и русская культура конца XIX – начала XX вв. // Историко-математические исследования. 2002. Серия 2. Т. 7. С. 62–91; Бурлакова Л. Г. Методология Н. В. Бугаева, Московская философско-математическая школа и принцип дополнительности // Вестник МГУ. 2014. Серия 7. Философия. № 5. С. 47–61; Савина О. А. Евро-

Очевидно, что накопленный исследователями объемный материал требует систематизации и классификации направлений внутри персонализма. Одной из первых работ в этом направлении стало кандидатское исследование А. Ю. Бердниковой. Используя для обозначения русского персонализма термин «неолейбницианство», исследователь предложила выделять в нем три направления: персоналистическое (или, как следует понимать, персонализм в узком смысле) – Юрьевская (Дерптская) философская школа Г. Тейхмюллера и его последователей; математическое, или аритмологическое направление, представленное эволюционной монадологией Н. В. Бугаева; психологическое направление, связанное с творчеством П. Е. Астафьева. В целом, с таким подходом можно согласиться, однако предложенная классификация оставляет без внимания Московскую философско-математическую школу как целостную институцию и творчество учеников и последователей Бугаева.

Немногочисленные работы, которые посвящены Московской философско-математической школе, прежде всего, акцентируют внимание на взглядах ее основателя, Н. В. Бугаева. В частности, это касается объемной монографии А. Е. Година «Развитие идей Московской философско-математической школы»¹, большая часть которой представляет изложение взглядов Н. В. Бугаева. В целом данное исследование, хотя и раскрывает особенности философии персонализма в среде университетских математиков, носит, скорее, описательный, чем аналитический характер. Иной подход демонстрирует С. М. Половинкин в небольшой по объему, но содержательно емкой статье «Московская философско-математическая школа»². В ней на основе результатов многолетних занятий персоналистической проблематикой определены значимые черты мировоззрения Школы, при этом автор привлекает труды не только Бугаева, но и его учеников. Среди последних С. М. Половинкин специально выделяет П. А. Некрасова как авторитетного мыслителя.

Всегда оставаясь в тени своего учителя и основателя школы Н. В. Бугаева, П. А. Некрасов все же при жизни был хорошо известен в университетской и академической среде, его работы читались и рецензировались, вызывая интерес и оживленную полемику: на страницах «Вопросов философии и психологии» с критикой взглядов П. А. Некрасова выступил Ф. В. Софронов³; в журнале «Вера и разум» объемную статью с анализом некрасовских разработок метафизических оснований общественных процессов опубликовал С. С. Глаголев⁴; П. В. Тихомиров осуществил подробный разбор аргументации

пейский научный мир глазами магистра чистой математики Н. В. Бугаева // Историко-математические исследования. 2014. Серия 2. №15 (50). С. 2012–229 и др.

¹ Годин А. Е. Развитие идей Московской философско-математической школы. М., 2006. 377 с.

² Половинкин С. М. Московская философско-математическая школа / Общественные науки в СССР. 1991. № 2. С. 43–67.

³ См. работы Ф. В. Софронова: Теория познания на основе критического эмпиризма // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Кн. 48 (III). С. 242–268; Соотношение общественных сил // Вопросы философии и психологии. М., 1897. Кн. 4 (39). С. 569–608.

⁴ Глаголев С. С. Факторы социальных явлений // Вера и разум. 1903. № 1 (философский раздел). Т. 2. ч. 1. С. 1–34.

П. А. Некрасовым приложимости методов математической статистики и законов теории вероятностей к оценке общественных процессов. Об интересе к социальным теориям Некрасова свидетельствует рецензия на его работу «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности (пересмотр оснований социальной физики Кетле)», опубликованная А. И. Введенским в газете Московского университета «Московские ведомости»¹. М. Ф. Таубе, профессор математики, философ и публицист, осуществил анализ гносеологической проблематики философии П. А. Некрасова². Анализ показывает, что мы имеем дело с противоречивыми, определяемыми идеологическими предпочтениями оценками творчества и деятельности Некрасова его современниками: от высокой оценки со стороны, в частности, Тихомирова до характеристики текстов философа как «кабалистической абракадабры» со стороны, например, Е. А. Гопиуса³. В советское время творчество Некрасова понималось как политически реакционное, он оказался практически в полном забвении даже как математик⁴.

В 90-е годы XX века, прежде всего, в среде историков математики и математиков-педагогов возрождается определенный интерес к личности Некрасова, его исследованиям в области математики и педагогическим взглядам (работы А. В. Андреева, С. А. Розановой, А. Ю. Грибова⁵). Идеи Некрасова о единстве философии и науки, необходимости философско-математического синтеза актуализируются в диссертационных исследованиях В. В. Мороз⁶, Н. Г. Баранец⁷. Одна из немногих работ, представляющих краткий очерк жизни и творчества П. А. Некрасова с приложением списка его основных трудов, принадлежит перу

¹ Введенский А. Подчинены ли проявления человеческой деятельности определенным законам. Статья посвящена анализу работы Некрасова «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности (пересмотр оснований социальной физики Кетле)» // Московские ведомости. 1902. № 302. С. 3–4.

² Таубе М. Ф. Учение о вероятностях, как дорога к творческому пониманию духовного, душевного и вещественного. По поводу двух книг проф. Некрасова: «Теория вероятностей» и «Вера, знание и опыт: первостепенный алгоритм общественных и естественных наук. (Гносеологический и номографический очерк)». Харьков, 1914. 22 с.

³ Гопиус Е. А. Философия Московской философско-математической школы и ее отношение к интеллектуализму философов XVIII века и экономическому материализму К. Маркса. М., 1905. С. 3.

⁴ См.: Советская математика за 20 лет // Успехи математических наук. М., 1938. Вып. 4. С. 3–13. – С. 4.

⁵ Андреев А. В. Теоретические основы доверия (штрихи к портрету П. А. Некрасова) // Историко-математические исследования. М., 1999. Серия 2. Вып. 4 (39). С. 98–113. Грибов А. Ю. Мирозренческие взгляды педагога-математика П. А. Некрасова // Ученые записки Орловского гос. Ун-та. Сер. «Гуманит. и социальн. науки. 2012. № 5. С. 309–312. Розанова С. А., Кузнецова Т. А. Павел Алексеевич Некрасов. История введения теории вероятностей в средней школе // Труды Междунар. конференции «Проблемы реализации многоуровневой системы образования. Наука в вузах», 7–8 окт. 1999 г. М.: Изд-во РУДН, 1999. С. 385–390.

⁶ Мороз В. В. Образ и статус философско-математического синтеза в истории философской мысли: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.

⁷ Баранец Н. Г. Философское сообщество: структура, нормативно-ценностные установки и дискурсивные особенности креативности (на материале университетской философии в России XIX – XX веков): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2004.

С. М. Половинкина и публикуется в 1994 году¹. Уже в новом столетии творчество Некрасова становится предметом изучения петербургского филолога, исследователя истории русской культуры И.Ю. Светликовой, впервые обратившейся к анализу политических взглядов участников Московской философско-математической школы². В монографии, вышедшей в Нью-Йорке в 2013 году, две из пяти глав посвящены творчеству Некрасова³. В частности, подробно анализируются его математические изыскания («теория вероятностей») в связи с обоснованием принципов государственного устройства. И хотя данные в книге оценки политических взглядов Некрасова идеологизированы и могут вызывать несогласие и критику, работа, в целом, представляет ценность как первое исследование идеологии Школы и роли в ее разработке П. А. Некрасова.

Таким образом, анализ показывает, что, несмотря на определенный исследовательский интерес к личности и творчеству П. А. Некрасова, сформировавшийся к началу 2000-х годов, до сих пор не предпринималось комплексное исследование философского наследия мыслителя, не осуществлялась реконструкция его учения о человеке.

Объект исследования – творческое наследие П. А. Некрасова как представителя персонализма Московской философско-математической школы.

Предмет исследования – философская антропология П. А. Некрасова в контексте традиций русского персонализма.

Цель диссертационного исследования – на основе всестороннего анализа творческого наследия П. А. Некрасова, рассмотренного в контексте традиций русского персонализма, раскрыть его учение о человеке как целостную философско-антропологическую концепцию.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- раскрыть особенности русского метафизического персонализма как одного из направлений русской религиозной философии;
- охарактеризовать философию Московской философско-математической школы и определить место, особенности и значение в ней философско-антропологических учений;
- эксплицировать терминологический аппарат философской антропологии П. А. Некрасова («идеальный реализм», «философский синтез», «мерность», «точное знание» и др.);
- раскрыть метафизические – онтологические и гносеологические – основания учения о человеке П. А. Некрасова;

---

¹ Половинкин С. М. Психо-аритмо-механика: философские черты портрета П. А. Некрасова // *Вопр. истории естествознания и техники*. 1994. № 2. С. 109–113.

² Илона Светликова. Московские пифагорейцы // *Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов*. М., 2011. С. 117–141.

³ Svetlikova Ilona. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. – NY: Palgrave, 2013. 184 p. Некрасову посвящены p. 50–113.

- выявить методологические основания философско-антропологических построений П. А. Некрасова;
- раскрыть специфику основных положений философской антропологии П. А. Некрасова;
- показать связь философско-антропологического учения П. А. Некрасова с его религиозными, социально-политическими и педагогическими воззрениями, определив тем самым место учения о человеке в творчестве мыслителя.

Теоретические источники и методологическая основа исследования.

Теоретическими источниками диссертации в соответствии с поставленной целью выступили, прежде всего, философские труды П. А. Некрасова «Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности (пересмотр оснований социальной физики Кетле)», «Философские и логические основания социальной физики», «Московская философско-математическая школа и ее основатели», «Теоретико-познавательные построения в славянофильском духе» и др.

Для более полного и адекватного понимания основных интенций и социокультурных истоков антропологии Некрасова анализировались труды представителей Московской философско-математической школы и университетских коллег Некрасова – Н. В. Бугаева, В. Г. Алексева, В. Я. Цингера и других; философские работы мыслителей персоналистического направления – Г. Тейхмюллера, Я. Ф. Озе, Е. А. Боброва, А. А. Козлова, П. Е. Астафьева и других; труды таких русских религиозных философов и богословов, как Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. Н. Страхов, С. Н. Трубецкой, А. И. Введенский, П. А. Флоренский, В. В. Зеньковский, В. И. Несмелов, В. Н. Лосский, С. Н. Булгаков в части, касающейся сущности человека.

Работа опиралась на исследования историков русской философской и антропологической мысли – работы Н. К. Гаврюшина, П. П. Гайденоко, И. И. Евлампиева, А. А. Ермичева, Н. П. Ильина (Мальчевского), А. А. Королькова, М. А. Прасолова, С. С. Хоружего и других; кроме того, использовались немногочисленные труды, посвященные творчеству П. А. Некрасова, – работы С. М. Половинкина, А. Е. Година, А. Б. Андреева и других.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, системности и целостности, обеспечившие концептуальное единство работы и объективность полученных результатов.

Решение исследовательских задач осуществлялось на основе комбинации ряда методов. Среди них: биографический метод, позволивший проанализировать личность П. А. Некрасова; текстологический анализ и критическое прояснение семантики философских понятий, давшие возможность экспликации терминологического аппарата философской антропологии Некрасова; герменевтический метод, посредством которого осуществлялись истолкование и реконструкция учений рассматриваемых мыслителей; метод сравнительного (компаративного) анализа, который использовался для сопоставления воз-

зрений Некрасова с учениями других мыслителей, позволяя выявить существенные черты сходства и различия в решении поднимаемых проблем. Комплексный метод философско-антропологической реконструкции позволил достичь заявленной цели – раскрыть учение П. А. Некрасова о человеке как целостную философско-антропологическую концепцию.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- впервые на основе всестороннего анализа творческого наследия П. А. Некрасова, рассмотренного в контексте традиций персонализма, философские взгляды Некрасова представлены в качестве целостной персоналистической философско-антропологической концепции;
- раскрыто концептуальное единство взглядов представителей Московской философско-математической школы и показана роль П. А. Некрасова в его достижении и терминологическом оформлении;
- эксплицирован терминологический аппарат философской антропологии П. А. Некрасова, определено содержание таких ключевых понятий, как «сознание», «личность», «идеальный реализм», «философский синтез», «мерность», «точная знание» и др.;
- выявлены методологические основания философской антропологии П. А. Некрасова и показаны способы использования математическо-диалектико-эмпирического метода при разработке целостной концепции человека;
- на примере антропологической концепции П. А. Некрасова раскрыты продуктивные возможности синтеза математики, философского знания и религиозных интуиций для постижения целостной природы человека.

Положения, выносимые на защиту:

1. Метафизический персонализм представляет целостное и самостоятельное направление русской религиозной философии, отличающееся антропологической направленностью.

2. Философия Московской философско-математической школы концептуально едина. Мировоззренческое единство ее представителей обусловлено: 1) пониманием математики как универсального знания; 2) утверждением аритмологии и монадологии в качестве основания критики эмпиризма и механицизма; 3) признанием самоценности, целостности и индивидуальной бытийственности личности; 4) установкой на «действенность мировоззрения». Это позволяет отнести Московскую философско-математическую школу к самостоятельному направлению, сформировавшемуся в рамках русского персонализма.

3. Павел Алексеевич Некрасов является одним из значимых представителей Московской философско-математической школы, сыгравшим ключевую роль в оформлении концептуального единства философии Школы. Осуществленная им антропологизация монадологии Лейбница и метафизики Тейхмюллера во многом определила усиление антропологической составляющей персонализма Школы.

4. Разработанная П. А. Некрасовым концепция «идеального реализма» позволяет представить личность как автономную независимую субстанцию, руководствующуюся собственной волей, и избежать пантеистических уклонов через органичное сочетание персоналистических построений с богословскими элементами православной антропологии.

5. Ключевым понятием гносеологии П. А. Некрасова выступает понятие «мерность». Использование разработанного на основе мерности математическо-диалектико-эмпирического метода позволяет Некрасову в рамках «точного познания» преодолеть характерное для европейского рационализма противопоставление знания бытию, субъекта объекту. Метод дедуктивно-индуктивного синтеза обосновывает возможность универсального знания о человеке, представляющего единство христианской догматики, философского рационализма и математической аргументации.

6. Выраженное в категориях «точной логики» и теории вероятностей единство сущности человека, государства и общества позволяет Некрасову представить общественную жизнь, образовательные и воспитательные практики как единое идеально-реальное целое и обосновать возможность практической реализации теоретических положений разработанной философско-антропологической концепции.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что реконструкция философской антропологии П. А. Некрасова углубляет понимание метафизического персонализма как целостного направления отечественной мысли, имеющего антропологическую направленность и значимого для истории русской антропологической мысли. Осмысление персоналистической антропологии Некрасова, используемого им понятийного аппарата и оригинальной методологии, состоящей в утверждении единства математического, философского и религиозного знания, позволяют расширить инструментарий современной отечественной философской антропологии, способствуя обновлению и развитию дисциплины.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных исследовательских результатов в преподавательской деятельности при подготовке методических материалов и чтении общих курсов по философской антропологии, истории русской философии, истории и философии науки, а также специальных курсов по истории русской антропологической мысли, истории персонализма в России, философии образования и др. Результаты работы могут быть учтены при разработке курса по истории и философии науки для аспирантов.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в шести публикациях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК РФ. Результаты исследования также были представлены и обсуждены в ходе различных научных и научно-практических конференций, среди которых международная научная конферен-

ция «XVI Царскосельские чтения “Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство”» (СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 24–25 апреля 2012 года); международная научная конференция «XVII Царскосельские чтения “Российская государственность и духовная культура народа”» (СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 23–24 апреля 2013 года); международная научная конференция «Эпоха Романовых и современные проблемы российского общества» (СПб., СПбГПА, 24–25 октября 2013 года); Всероссийская научно-практическая конференция «Бунтующий человек в посткнижном мире» (Саратов: СГУ, 11 февраля 2014 года); международная научная конференция «XVIII Царскосельские чтения “Культура как предмет философского осмысления”» (СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 22–23 апреля 2014 года); международная научно-практическая конференция «XIX Царскосельские чтения» (СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 21–22 апр. 2015 г.); XI Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых «Культура России в XXI веке: прошлое в настоящем и настоящее в будущем» (СПб.: ВШНИ (И) 6 мая 2015 года); международный научно-культурный форум «Дни Петербургской философии – 2015» (СПб.: СПбГУ, 27–30 октября 2015 года); международная научно-практическая конференция «XX юбилейные Царскосельские чтения» (СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 20–21 апр. 2016 г.) и др.

Структура и объем диссертации. Работа объемом 179 с. состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы из 182 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы исследования, оценивается степень разработанности исследуемой проблемы, формируются цель и задачи исследования, его методологические основы, раскрывается научная новизна, дается характеристика теоретической и практической значимости выполненной работы.

В первой главе «Московская философско-математическая школа и традиции персонализма», состоящей из трех параграфов, рассматривается развитие в русской философии направления «метафизический персонализм». Показывается укорененность его в двух концептуальных источниках: в монадологии Г. Лейбница и в персонализме Г. Тейхмюллера. Обозначается, что онтологические и гносеологические положения этих метафизических учений не являются предметом разработки, но полагаются в основание философско-антропологических концепций и указывается причина – политические, религиозные и нравственные проблемы интеллигенции. Исследуются положения Московской философско-математической школы о самоценности личности, ее целостности и субстанциальности; анализируется творчество Павла Алексеевича Некрасова как одной из центральных фигур Школы.

Первый параграф «Особенности русского персонализма: от онтологии – к философской антропологии» посвящен рассмотрению особенностей формирования и развития русского персонализма и сложившимся исследовательским традициям его истолкования.

Указывается, что такие доминанты русской философии, как религиозность и обращенность к человеку обнаруживают ее начало в области христианской антропологии. Последняя определяет основу русских философско-антропологических систем. На основании того, что в фокусе исследований христианской антропологии находится личность, делается вывод о личности как центральном объекте внимания русского метафизического персонализма. Предлагается рассматривать метафизический персонализм как самостоятельное и значимое для русской философии направление.

Рассматривается история возникновения термина «персонализм», его содержательное наполнение в различных концепциях. Выявляется общая особенность – признание неразрывности сознания и личности и их субстанциональности, через которую раскрывается и обосновывается сущность личности, ее вневременность, связь с Богом и другими личностями как непосредственная, до знания, данность.

Анализируется понимание персонализма такими мыслителями, как А. А. Козлов, Е. А. Бобров, И. Б. Румер и др.; раскрывается понимание персонализма Н. П. Ильиным (Мальчевским) и В. В. Зеньковским. Сопоставление исследовательских стратегий Ильина и Зеньковского показывает, что различия в понимании персонализма обусловлены различной трактовкой монадологии Лейбница, к которой оба мыслителя возводят метафизический персонализм. Делается вывод, что онтологические и гносеологические положения монадологии Лейбница, будучи перенесены «на русскую почву», антропологизируются, и главными вопросами становятся вопросы о сущности и существовании человека.

Второй параграф «Персонализм Московской философско-математической школы: критика эмпиризма и механицизма» посвящен рассмотрению философского творчества группы ученых-математиков Московского университета, неформально объединившихся в философское сообщество, за которым впоследствии закрепилось название «Московская философско-математическая школа».

Делается обзор мировоззренческих установок причастных к Школе ученых и отмечается, что основным мотивом их обращения к философии было отторжение утвердившегося в России механистического восприятия человека. Раскрывается философская позиция идейного вдохновителя Школы и ее основателя Николая Васильевича Бугаева, заключающаяся в утверждении непосредственной зависимости философии от наиболее проработанных разделов математики. По Бугаеву, господство эмпиризма и позитивизма в философии есть следствие сосредоточения математиков на разделе математического анализа с его идеей непрерывности. В основании противоположной формы мышления лежит идея прерывности, для которой Бугаев ввел термин «аритмология». В

математике ее раскрывают, в частности, теория вероятностей и математическая статистика, позволяющие исследовать случайное.

В свою очередь, исследование случайного в математике актуализирует проблемы индивидуальности, целесообразности, свободы выбора. Показывается, что монадология Лейбница рассматривалась как противовес философским учениям, тяготевшим к обезличению (рационализм Спинозы, Декарта, Гоббса; идеализм Гегеля и Канта) и утверждавшим всеобщий закон непрерывного поступательного развития (Дарвин, Фейербах, Маркс).

Отмечается, что значимым для определения специфики философии Школы является понятие «действенности мировоззрения». Действенность мировоззрения обосновывалась как способность аритмологического миропонимания проникать во все сферы жизни для ее усовершенствования, а на практике определяла активную общественную позицию, участие в образовании и воспитании русского народа.

Делается вывод, что принципиальные положения о самоценности и целостности личности свидетельствуют о корректности причисления философии Московской философско-математической школы к персоналистическому направлению.

Третий параграф «П. А. Некрасов – ученый-математик, педагог и христианский философ-персоналист» представляет интеллектуальную биографию мыслителя. Раскрывается мировоззренческая позиция Некрасова, состоящая в утверждении единства религиозных прозрений, философских интуиций и научного знания.

Отмечается, что для Некрасова было неприемлемым использование математических законов в отношении человека и общества в отрыве от христианского вероучения, поскольку и жизнь личности, и жизнь общества он не мыслил вне христианства. Концептуально оформляя философию Бугаева, Некрасов дополнил ее отсылками к ортодоксальному христианскому вероучению. Истинность христианской ортодоксии Некрасов видел в соответствии ей законов теории вероятностей и математической статистики, что делало правомерным и целесообразным применение математических методов для объяснения и прогнозирования событий жизни человека и общества.

Подчеркивается, что стремление к обоснованию применимости собственных теоретико-философских разработок в практической жизни характерно для творчества Некрасова в целом. Философские идеи мыслитель реализовывал в образовательной сфере, выступив с рядом педагогических новаций и инициативами, связанными с организацией образовательно-воспитательного процесса, в частности, направленными на объединение в русских гимназиях образовательного процесса с христианским воспитанием.

В заключении определяется роль Некрасова в систематизации идей частных к Школе ученых. Предпринятая Некрасовым работа позволяет говорить о Школе как о методологически едином философском направлении, разрабатываемом в рамках русского метафизического персонализма. Делается вывод, что многообразная деятельность Некрасова – и как ученого-математика, и как педагога и организатора образовательного процесса в России, и как христи-

анского мыслителя – определялась его стремлением понять и воспитать человека.

Во второй главе «"Идеальный реализм" П. А. Некрасова: онтологические и гносеологические основания антропологических построений», состоящей из трех параграфов, исследуется специфика формирования философской антропологии Некрасова. Показывается, что целью его онтологических и гносеологических построений было преодоление рациональной отвлеченности идеализма и чувственной замкнутости эмпиризма и позитивизма, зиждущихся на некритическом отношении к несовершенству человеческой природы. Утверждая математическое знание в качестве универсального, Некрасов обосновывает концепцию идеального реализма, позволяющую разработать оригинальную философско-антропологическую концепцию.

В первом параграфе «Онтологические основания учения П. А. Некрасова о человеке» выясняются особенности онтологических построений Некрасова. Показывается, что отождествление Бога с трансцендентным сближает метафизику П. А. Некрасова с построениями С. Н. Булгакова и ранних славянофилов, а статус сознания как онтологической основы, содержащей в себе внутренний опыт и волю, придает концепции персоналистический характер. Раскрывается понимание Некрасовым таких ключевых понятий его учения о человеке, как творчество, время, вечность, созерцание, мотивация. Предпринятый анализ позволяет характеризовать антропологическую концепцию Некрасова как идущую в русле христианской антропологии. Делается вывод, что Некрасов, понимая личность как субстанцию, руководящуюся собственной волей, избежал пантеистических уклонений через органичную соотнесенность своих построений с богословскими элементами христианской антропологии.

Во втором параграфе «Гносеологические основания учения П. А. Некрасова о человеке: критика отвлеченного идеализма и эмпиризма» проанализировано создание Некрасовым гносеологии, преодолевающей крайности идеализма, рационализма и эмпиризма.

Установлено, что исходное понятие гносеологии Некрасова – мерность. Данный термин Некрасов возводит к понятию «мера» из библейского текста и предлагает его в качестве эталона познавательной способности, созданного Творцом. В математической дедукции и законе достаточного основания Некрасов раскрывает математическое выражение мерности. Таким образом, в восхождении к мерности и религиозное, и научное знание обнаруживают причастность к единому математическому методу, всеобщность и универсальность которого Некрасов выражает в терминах «всеобщая точная логика», «точное знание/познание», «точное научное мышление», «свободный точный закон» и др. По аналогии с математической дедукцией, покрывающей поле действия физических «фатальных законов», всеобщая точная логика покрывает поле действия метафизических, «свободных законов». Утверждая единство метода и единственность источника знания, Некрасов рационально обосновывает живую непосредственность связи Абсолютного сознания с тварными сознаниями и избегает как крайностей иррационализма, так и отвлеченности рационализма.

Проанализировано скептическое отношение Некрасова к самодостаточности не только дедуктивного, но и индуктивного метода, лежащего в основании эмпиризма. По мнению Некрасова, применение данного метода, подобно применению дедуктивного метода в рационализме, есть следствие неумения считаться с действительностью из-за игнорирования субъективных искажений в ее оценке. Осознание ограниченности дедуктивного и индуктивных методов приводит Некрасова к обоснованию их единства в методе дедуктивно-индуктивного синтеза. Предложенная методология позволяет Некрасову определить концепцию в целом как «идеальный реализм», или «идеал-реализм» и показать, что она адекватно раскрывает связь идеального и физического миров.

В заключении показывается, что поиски научного посредника для «осовременивания» священного текста, предпринятые П. А. Некрасовым, отвечали общественному запросу конца XIX – начала XX веков.

В третьем параграфе «“Точное познание” как стратегия синтетического христианского мировоззрения» показывается, что предпринятые Некрасовым онтологические и гносеологические исследования необходимы для обоснования личностного развития как работы духа данной конкретной личности с целью достижения «точного познания».

Для познания, считает Некрасов, характерна работа сознания во всей полноте, что отличает его от знания как отвлеченно-рациональной рассудочной деятельности, характеризующейся «субъект-объектностью». По Некрасову, субъект-объектность знания есть прямое следствие диалектического способа мышления. Преодолевается субъект-объектность, когда мыслительная активность не получает волевой санкции сознания и деятельность мысли уступает место мыслительному созерцанию. Источник познания, таким образом, – не просто в сознании и в его способности к мыслительной деятельности, но в способности сознания определенным образом координировать собственные функции.

Полнота работы сознания вытекает из утверждения его единым центром познавательных способностей, имеющим субстанциональную природу и способным объединить физический и идеальный миры. Делается вывод о стремлении Некрасова к постулированию полноценности работы разума лишь в том случае, если он пребывает в логике единения конкретного и абстрактного, различного и понятийного, символического и реалистического. Такое стремление обнаруживает христианский стиль мышления, который у Некрасова находит выражение в дедуктивно-индуктивном методе.

«Точное познание» – это, по Некрасову, способ познавать в дедуктивно-индуктивной логике. На основании того, что Некрасов обосновывает непосредственную причастность воли и к деятельности мысли, и к ее созерцательности, делается вывод, что учение Некрасова о «точном познании» антропологизирует гносеологию мыслителя. «Точное познание», преодолевая субъект-объектность, устраняет обреченность на изучение объекта; концепция познания, предложенная Некрасовым, открывает в сознании способность свободного желания/нежелания познавать. По Некрасову, пожелав познавать, человек вступает в область свободы, поскольку желание познавать, в отличие от необходимости узнавать, не имеет внешнего принуждения, но сопряжено с личностным само-

сознанием, истоком и причиной которого не может быть ничто кроме превечного сознания, Бога.

В третьей главе «Человек в “идеально-реальном” мировоззрении П. А. Некрасова», состоящей из трех параграфов, рассматривается понимание Некрасовым способов самореализации личности как нравственной и целостной сущности, анализируется взаимная связь вероучительного и научного аспектов такого понимания, раскрывается трактовка Некрасовым неотъемлемых от самореализации личности понятий свободы и воли.

В первом параграфе третьей главы «Учение П. А. Некрасова о личности как целостности» анализируется понимание Некрасовым целостной природы человека. Отмечается, что европейские философские теории о человеке не удовлетворяют Некрасова неспособностью снять антагонизм свободы личности и единства личностей, поэтому свое понимание человека он основывает на положении ортодоксального учения о единсущии человеческой природы, утверждающем полноценное раскрытие и реализацию личности в преодолении состояния индивидуалистической самоизолированности.

Подчеркивается, что понимание личности как не из чего не выводимой и никак не определяемой уникальной сущности, являющей в эмпирическом человеке процесс своего развития, является основной интенцией антропологии Некрасова: и эмпирический аспект, и сверхэмпирический (метафизический) должны быть раскрыты в цельном единстве человека как существующего сущего, «идеально-реального». Человека следует видеть одномоментно-всесторонне, всего разом, а не анализировать последовательно. Такое восприятие человека восходит к христианскому (Халкидонскому) догмату о некорректности познавания способом искусственного рассечения единой природы.

Резюмируется, что концепция «идеального реализма» – результат философского осмысления Некрасовым церковного опыта. Научным аналогом понимания личности как духовного сущего Некрасов считает некатегорические суждения теории вероятностей, которые особым образом раскрывают закон противоречия и понятие об абсурде и бездоказательности. Именно логика положений теории вероятностей позволяет понять, считает Некрасов, идеально-реальную сущность человека. Из указанной посылки Некрасов выводит тезис, что руководящие личностью духовно-нравственные законы имеют свой субъект – основанную Личностью Церковь. Данный тезис позволяет преодолеть крайность трансцендентализма; Некрасов приходит к выводу, что жизнь в Церкви непосредственно связывает эмпирическое существование человека с трансцендентностью.

Раскрывается отношение Некрасова к организации образовательного процесса. Отмечается, что оно базируется на убежденности в том, что приверженность жизни в Церкви должна прививаться учащимся в качестве жизненной стратегии. Такая приверженность, по Некрасову, – средство обретения личностью собирательного сознания. Делается вывод, что для Некрасова образовательный процесс является в равной степени воспитательным.

Делается обобщающий вывод о том, что учение Некрасова о личности как целостности разрабатывается в русле философской концепции православной антропологии.

Во втором параграфе третьей главы «Природа человека и его место в мире» рассматривается вопрос о происхождении человека и показывается близость позиций Некрасова и православной антропологии, полагающих создание человека особым актом творения. Раскрывается аргументация, представленная Некрасовым на основе математического статистического метода, указывающая на ненаучный характер учения Дарвина вследствие некорректного применения аналитической теории к генетическим рядам, поскольку непрерывность последних не подлежит эмпирической проверке.

Описывается математическое решение Некрасовым вопроса о происхождении человека: большие исторические интервалы он рассматривает как бесконечные пределы; короткие временные периоды, события которых имеют подтверждение в достоверных источниках, – как математическое дифференцирование; единство подтвержденной истории и неподтвержденной – как интеграл. Категорический вывод об интегральном целом на основании дифференциальных данных невозможен, поскольку целое включает не только достоверное, но и недостоверное; вывод может быть только некатегорическим, вероятностным.

Однако категорическое суждение об отдаленном прошлом, по Некрасову, возможно на основе религиозности, причем не религиозности вообще, а обретенной вероучительное православное содержание. Некрасов формулирует два признака такой религиозности. Первый – укорененность в сверхэмпирии, в духовной сфере и изначально в личности; второй – явленность в эмпирии синтетическо-критическим способом, формирующим не просто христианскую, но именно православную религиозность. Специфика последней в том, что она устанавливает сопричастность личного сознания надличному собирательному сознанию. Так достигается синтетическое единство сознаний (неслиянное единство) и преодолевается субъективность позитивизма.

Делается вывод, что Некрасов преодолевает тенденцию философской антропологии к утверждению сознания исходным основанием личности. Через отнесение сознания не к духовной, а к душевной сфере человека Некрасовым предлагается противоположная парадигма – личность есть источник сознания. В заключении параграфа делается вывод, что в таком понимании обнаруживается восхождение к положению христианской антропологии о личности как частице Творца в человеке.

Третий параграф «От метафизики человека – к социальной антропологии: учение П. А. Некрасова о государстве и обществе» посвящен социальной антропологии Некрасова, в которой мир рассматривается как иерархичный организм сообщающихся монад. Человеческий организм и государственный соотносятся как сложная монада с еще более сложной. Согласно иерархическому принципу, совокупность монад формируется в конус с венчающей иерархию первопричиной – Творцом.

Раскрывается понятие коллективной свободной воли, которая, по Некрасову, руководит жизнью общества и придает общественным процессам стихийный характер; она – элемент народного сознания. Указывая на противоречие данного постулата факту предсказуемости и повторяемости многих общественных явлений, П. А. Некрасов снимает его с помощью теории вероятностей, в частности, теоремы П. Л. Чебышева о средних величинах. Таким образом Некрасов аргументирует несостоятельность принципов социального детерминизма и аналитического мышления как его источника. Показывается, что данная позиция полагается Некрасовым в основание тезиса о сущности государства как метафизического организма с собственными целями, то есть такими причинами, которые не детерминированы внешними факторами.

Сознание, не склонное брать в расчет случайности и вероятности, то есть не склонное к актуализации воли, тяготеет к анализу и поэтому приходит к утверждению демократических принципов государственного строительства, напрямую вытекающих из аналитического стиля мышления. Следовательно, утверждает Некрасов, к получению власти тем или иным субъектом через демократическую выборную процедуру причастно большинство – абстрактная и обезличенная сумма, а не воля народного сознания, поскольку она как личностное начало не может быть явлена обезличенно. С нивелированием значения воли Некрасов связывает вырождение государства, проявляющееся в смене парадигмы: устремленность к метафизической цели уступает место устремленности к соблюдению интересов как умению реагировать на эмпирические детерминанты. Культурное государство вырождается в формально-правовое. Первое утверждает в эмпирии верховную автономию – сознательную и личностную власть (монархическую), в силу сознательности и личностности чуткую к государственной цели. Второе с подменой цели текущими интересами нивелирует личное сознательное начало, волю, и актуализирует слепой бессознательный аналитический механизм – формальный юридический закон; на первый план выступает избирательная система всеобщего голосования – политическое проявление философского схоластического иррационализма.

Отмечается, что из положения о метафизической сущности человека и государства Некрасов выводит тезис о совпадении их целей и отсюда утверждает принцип общественной жизни на основе солидарного действия. Нравственная солидарность, по Некрасову, является антиподом эволюционных теорий – безличных и бесцельных. Указывается, что в учении о государстве Некрасов находит применение концепция «точного познания». Понятие «естественность» обретает смысловое содержание почвенности, давая основание тезису о действительности только такого законодательства, которое восходит к традиционным формам организации общества.

Делается общий вывод, что Некрасов выводит теорию государства и общества из собственного антропологического учения, понимая государство и общество как следствие адаптации идеально-реального мира человеческого организма (не физиологического, а материально-душевно-духовного) к общественно-

политической жизни и утверждая действенность теории в ее связности с жизнью.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формируются основные выводы.

1. В концепции П.А.Некрасова представлено логическое обоснование сущности человека и принципов общественной организации; концепция основана на принципиальных положениях метафизического персонализма и нацелена на возможность практической реализации замысла, в основание которого положен междисциплинарный антропологический синтез.

2. Онтология и гносеология имеют целью раскрытие целостной природы человека. Корректное сочетание элементов философии славянофильства и персоналистической онтологии Г.Тейхмюллера способствует дальнейшему оформлению метафизического персонализма в монолитное философское направление.

3. В философии П.А.Некрасова явлен поиск русскими мыслителями методологических оснований для развития русской философии, эмоционально и интеллектуально самостоятельной и развивающейся на исторической почве русского мироощущения. По логике русских ученых-математиков, в том числе П.А.Некрасова, обращение к теории вероятностей и теории чисел актуализирует поиск истины в философии и обнаруживает преемственность русской философской мысли от христианской метафизики.

4. Утверждая противоестественность разделения областей религиозного знания и научного знания, П.А.Некрасов постулирует тезис о единстве познания. Аргументируя его истинность, П.А.Некрасов обращается к математическим средствам и убедительно демонстрирует универсальность дедуктивно-индуктивной методологии. Через возведение знания к статусу единого П.А.Некрасов обнаруживает возможность научного исследования событий жизни человека и общества.

5. Основной вывод диссертационного исследования состоит в том, что П.А.Некрасову удалось творчески развить идею о действенности математического метода в философии, обосновать пригодность отвлеченного знания к философскому осмыслению вопросов практической жизни личности и общества и создать на данных основаниях оригинальную антропологическую концепцию русского метафизического персонализма.

Основное содержание диссертации отражено в шести публикациях, из которых три опубликованы в рецензируемых научных журналах:

1. Сатухин, В. И. Соотношение веры и разума в христианской философии Л. М. Лопатина и В. В. Зеньковского / В. И. Сатухин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. – СПб., 2013. – № 2. Т. 2. Философия. – С. 55–66 (0,7 п.л.).

2. Сатухин, В. И. Учение о воле в философской антропологии Некрасова П. А. / В. И. Сатухин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб., 2015. – Т. 16. Вып. 1. – С. 121–135 (0,9 п.л.).

3. Сатухин, В. И. Русские лейбницианцы о взаимосвязи физического и интеллектуального миров: П. А. Некрасов против Л. М. Лопатина / В. И. Сатухин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Научный журнал. – СПб., 2015. – № 2. Т. 2. Философия. – С. 64–73 (0,6 п.л.).

4. Сатухин, В. И. Самосознание и личность в теории критического индивидуализма Е. А. Боброва / В. И. Сатухин // XVI Царскосельские чтения: Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство: материалы международной научной конференции. 24–25 апреля 2012 года. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. – С. 173–176 (0,3 п.л.).

5. Сатухин, В. И. Субъект познания в русском персонализме / В. И. Сатухин // XVII Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. 23–24 апреля 2013 года. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 121–124 (0,3 п.л.).

6. Сатухин, В. И. О возможности применения философско-математического метода Н. В. Бугаева и П. А. Некрасова к событиям общественной жизни / В. И. Сатухин // Бунтующий человек в посткнижном мире: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 11 февраля 2014 года. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014. – С. 214–219 (0,3 п.л.).